

Yu.B. Kaufmann

“Kuznetsk fortress” Museum-reserve, Novokuznetsk, Russia

**VIRTUAL EXHIBITION “THE SISTERS OF CHARITY”
AND ITS ROLE IN MUSEUM THINGS ATTRIBUTION
(from the research experience of the «Kuznetsk Fortress» Museum Reserve)**

The article considers a problem of digital exhibitions at museum website. Their popularity was growing along with application of new techniques and became an essential part of museum practice. The article provides the merits of such projects.

The author analyzes the degree of importance of the response of an interested visitor to the exhibition on the site. Information held in family archives helps to date and describe museum items. The author characterizes the amount of scientific work on the exhibits carried out by the staff, the main problems identified in the process. The article contains a fragment of the informational block of the exhibition dedicated to the sisters of mercy (history of the Tobolsk Nikolaevskaya community, its employees and activities). The author describes the informant's assistance in identifying one of the community sisters, depicted in the photographs from the museum's funds. A visitor to the site had a copy of one of the photographs with signatures, which helped to establish the truth. The article concludes that the availability of the Internet made it possible to accurately describe the exhibit, which makes the value of virtual exhibitions obvious.

Keywords: virtual exhibition, Tobolsk, sisters of mercy, community, photography, exhibit

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.55

УДК 903.2(571.15)

С.М. Киреев

Национальный музей им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия

**ЖЕЛЕЗНЫЙ КЛЕПАНЫЙ КОТЕЛ ИЗ БАССЕЙНА
ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ АНУЙ НА АЛТАЕ**

Железный котел найден жителями с. Верх-Белоануй Республики Алтай в каменных россыпях. Котел имеет прямой, сужающийся книзу корпус, закругленное дно. Сосуд изготовлен из нескольких металлических пластин различного размера и конфигурации, соединенных вместе при помощи металлических заклепок. Котел относится к типу подвесных, хотя ручка не сохранилась. Железные клепаные котлы различной формы и размеров использовались начиная с древнетюркского до этнографического времени – хотя являются довольно редкой находкой. Котел из Верх-Белоануя датирован в пределах XVII–XVIII вв. По мнению местного, населения, котел являлся шлемом и мог принадлежать мифическому алтайскому богатырю Сартакпаю. В преданиях алтайцев Сартакпай являлся строителем мостов, дорог, даровал им земледелие и грамотность. Предания о Сартакпае доживают на Алтае до настоящего времени.

Ключевые слова: Горный Алтай, позднее Средневековье, алтайская этнография, котел железный, современная мифология алтайцев

Как хорошо известно, поздняя археология Нового времени, тесно связанная с полученными этнографическими материалами и наблюдениями, также часто соединена с мифологическими представлениями не только об общем комплексе жизни изучаемого населения, но и о каждом отдельном предмете, окружающем человека и его жизненное пространство. Тем более это относится к миропониманию и мифологии алтайского народа, вся жизнь которого пронизана ощущением сопричастности не только к окружающему миру, но и к прошлому как народа в целом, так и каждого человека в отдельности. Выдающийся сибирский этнограф и философ А.М. Сагалаев писал: «Один из парадоксов Алтая – современное его население все следы человеческой деятельности на Алтае „усваивает“ и включает в собственную историю» [1992, с. 9]. Поэтому интерпретация более ранних древних артефактов из случайных и даже археологических исследований ученых современным населением Горного Алтая часто предполагает не столько утилитарное использование, сколько искреннее понимание его назначения и бытования одновременно как сакрального и в то же время реального атрибута героизированных персонажей алтайского эпоса и мифологии. Мне уже приходилось ранее отмечать подобные, часто казусные примеры объяснения назначения обыденных бытовых древних предметов совершенно неожиданным их предназначением [Киреев, Кучуганова, 1994; Киреев, 2010]. Один из таких занимательных случаев произошел летом 1986 г. После возвращения из очередной археологической экспедиции руководством музея мне было предложено выехать в село Верх-Белоануй Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области (ныне Республика Алтай) по приглашению местного жителя, сельского механизатора, сообщившего о находке необычного железного шлема. По дороге было запланировано посещение сел Усть-Мута и Яконур этого же района, откуда также поступили сведения об обнаружении древних вещей и объектов. В результате в собрание музея была передана рукоять бронзового ножа конца III – начала II тыс. до н.э., роговые накладки на лук, а также указано новое местонахождение петроглифов в долине Эмеген.

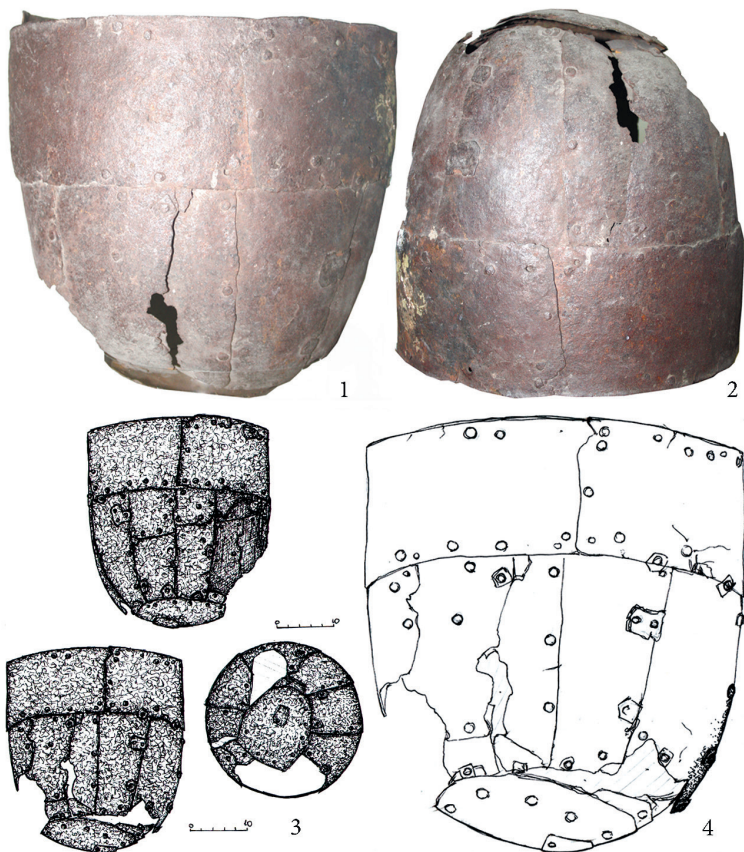
В Верх-Белоануе, расположенном в верхнем течении р. Ануй, притоке Оби, нас встретил местный житель Константин Акулов, коренной алтаец из рода ак-кёбёк, отправивший письмо в музей о своей находке. Он сообщил, что шлем был найден в нескольких километрах от села Верх-Белоануй, расположенном в верхнем течении реки Ануй. Он был обнаружен засыпанным в основании большого «курумника» (каменной россыпи из крупных валунов) у подошвы горы при разборке его нижней части для постройки фундамента скотного двора. В то время возможности посетить место находки не было. Меня несколько насторожило описание и назначение шлема, так как Константин говорил об

очень большом предмете, значительно превышающем объем головы обычного среднего человека. Котел находился в мастерской по обслуживанию и ремонту техники, куда мы и отправились наутро. По дороге к нам присоединились односельчане Константина, и они достаточно бурно обсуждали находку, поражаясь ее размерами. Собеседники высказывали предположение о том, что это, возможно, шлем Сартакпая, мифического богатыря алтайского героического эпоса. Они выражали восторг и восхищение ростом героя и искреннюю веру в его реальный огромный рост и невероятную силу [Киреев, 2010, с. 101].

В машинной-тракторной мастерской был предъявлен стоящий на верстаке артефакт, и я с недоумением и удивлением увидел большой железный котел. Он был поставлен вверх дном и действительно производил впечатление огромного шлема с закругленным верхом. Мое недоумение и восторженное впечатление местных жителей по поводу этого «шлема»-котла настолько сильно дисгармонизировали, что я так и не смог разочаровать сельчан, высказав им свое «ученое» обоснование. «Шлем так шлем, и пусть будет Сартакпай», – подумал я, ничего не подтвердив и не опровергнув. Несколько позднее в школьном музее села Яконур был показан небольшой бронзовый котел с поддоном скифского времени, который учителями также интерпретировался как шлем. По их мнению, ручки котла служили для защиты ушей, а в поддон был вставлен плюмаж. Подобная интерпретация древних предметов не является необычной [Киреев, 2010, с. 101]. Один из первых исследователей алтайского быта и мифологии, служитель Алтайской духовной миссии протоиерей В.И. Вербицкий [1893, с. 56] писал в конце XIX в.: «Богатые фантазией и досужим временем, алтайцы любят витать в сказочном мире. Рапсоды их под двухструнную балалайку... дребезжащую октавою, рассказывают, часто импровизируя, деяния богатырей-ханов, также героев, хотя не силы, но ума и хитрости, или проводят какую-нибудь идею». Одним из таких героев, в реальное существование которого до сих пор верит местное население, и был Сартакпай. «Сартакпай, Сартактай – мифический батыр; дал алтайцам первую книгу, знания о земледелии, огородничестве; строитель мостов и дорог» [Несказочная проза алтайцев, с. 527]. Впервые предания о Сартакпае были опубликованы В.В. Радловым [1866, с. 170], несколько позднее варианты сказаний были записаны Г.И. Потаниным [1883, с. 286–287]. «Мифический герой Сартакпай был известен от хребта Хангай до Алтая. С его именем связывают возникновение географических мест и деяния, характерные для культурного героя. Он проводит дорогу рекам, оставляет отпечатки следов на камне... Предание о богатыре Сартакпае дошло до сегодняшнего дня» [Яданова, с. 279, 284]. Именно эти представления и привели жителей села к несомненному убеждению в понимании котла как богатырского шлема Сартакпая.

Находка передана в подарок Горно-Алтайскому областному краеведческому музею (ныне – Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина). Предмет был атрибутирован, описан и в качестве экспоната получил инвентарный номер 13371, номер по государственному каталогу 10279398.

Котел (другое наименование подобного типа металлических изделий – казан) ручной работы, форма корпуса приближена к цилиндрической, прямые, слегка сужающиеся к днищу, несколько выпуклые стенки, закругленное дно полусферической формы (рис.-4). Общая высота котла 33,5 см, высота стенок 30 см. Он деформирован, одна стенка разломлена, поэтому устье имеет овальную в плане форму диаметром 34×27,5 см. Первоначальная форма котла была явно круглой.

Железный клепанный котел из Верх-Белоануя (Республика Алтай)

Сохранность сосуда не полная. Он подвержен различной степени коррозии, от легкой поверхностной до достаточно глубокой, разрушившей некоторые части посуды. Вследствие этого имеются трещины, расхождение швов, отколы и утрата частей пластин центральной и придонной зон. Также на поверхности имеются небольшие пятна кальцевой патины и наросты лишайника, что свидетельствует об относительно длительном пребывании сосуда в соприкосновении с почвой. Как указано выше, корпус котла подвергнут деформации.

Котел изготовлен из отдельных железных прокованных пластин различного размера и формы толщиной 0,1–0,15 см. Поверхность их неровная, шероховатая. Пластины соединены между собой через пробитые отверстия сквозными железными заклепками с неровными шляпками диаметром от 0,6 до 1,0 см, расположенными на внешней и внутренней поверхности котла. Интервал расположения заклепок неодинаков, расстояние между ними колеблется от 3,5 до 4,5 см. Под некоторыми заклепками проложены железные шайбы различного размера квадратной, прямоугольной и многоугольной формы (рис. 2.-4). Несколько заклепок не сохранилось. Конструкция котла достаточно проста и выполнена предельно рационально в рамках использованной технологии. Четыре крупные прямоугольные пластины размерами 28×12,3; 30×12,5; 23×12,5; 27×13 см, формирующие верхнюю часть сосуда, изогнуты дугообразно, расположены горизонтально и соединены между собой наложением друг на друга на 2–4 см. Девять боковых пластин центральной части котла имеют удлинненную подтрапцевидную форму, узким краем обращены книзу. Каждая срединная пластина также слегка изогнута как по вертикали, так и по горизонтали, образуя выемчатую, слегка ладьевидную форму. По ширине размеры боковых пластин различны, от 12 до 15 см, лишь одна из пластин шириной 6,5 см. Две боковины составлены из двух пластинок каждая. Все боковые пластины расположены вертикально, состыкованы между собой также внахлест и закреплены на полусферической цельной, почти округлой в плане отдельной пластине размерами 17×18 см, образующей днище котла (рис.-3–4). Таким образом, получается три яруса пластин, формирующих корпус котла: верхний, средний и днище. Верхние прямоугольные пластины наложены краями на удлинненные средние, днище также перекрывает нижние края срединных пластин, которые оказываются как бы зажатыми между верхним и нижним ярусами котла. Подобное наложение, состыковка и закрепление пластин техникой клепки, в некоторых случаях с шайбами, и дополнительная проковка швов в местах их сочленения создают своеобразный «замок» и придают большую прочность всей конструкции изделия. Для еще большей прочности и надежности посуды стыки пластин были дополнительно прокованы.

Кромка верхней части котла немного утолщена и слегка отогнута наружу. Ниже на 1–2 см под ней проходит ряд заклепок, не имею-

щих практического назначения, очевидно, для придания ободу сосуда дополнительной прочности. Здесь же с внешней стороны у края котла сохранились остатки небольшого ушка полукруглой формы размерами 1,8×3,2 см служившего для крепления дужки для подвешивания котла над огнем. С противоположной стороны казана у кромки имеется две заклепки, расположенные рядом, скорее всего, для ушка второй части дужки. Сама дужка отсутствует.

На поверхности котла в различных местах имеются накладки-«заплатки», в частности на дне, в местах соединения пластин. Их размеры и конфигурация различны, в зависимости от применения. Так, в центре дна сосуда закреплена пластинка размерами 3,0×4,5 см, в месте соединения днища с центральными пластинами расположено еще три пластинки разных размеров и формы (рис.-3-4). Их назначение: ремонт, устранение повреждений сосуда (возникших отверстий, трещин, расхождение швов), а также, возможно, для придания большей жесткости конструкции котла.

Таким образом, котел был подвесного типа, на специальной дужке подвешивался над очагом, костром. Также он мог быть установлен в очаг между камней или на специальный таган. Емкость котла около 20 л. Его размеры позволяли использовать посуду для приготовления пищи на нескольких человек (большую семью, группу чабанов и пр.).

Хотя находки железных котлов на территории Горного Алтая не так часты, но целые изделия или их фрагменты зафиксированы как в погребениях, так и в качестве случайных находок. Начало их использования относится к древнетюркской эпохе, когда вместо литых бронзовых изделий предыдущего времени «котлы стали склепывать из отдельных листов железа» [Кубарев, 2005, с. 67]. В тюркских погребениях Горного Алтая обнаружено шесть экземпляров котлов различной сохранности [Киселев, 1951, табл. L.-23; Овчинникова, 1990, рис. 32; Кубарев, 2005, с. 67, табл. 145.-2]. «Остатки железной посуды из всех погребений объединяет общая технологическая черта: они склепаны из довольно больших отдельных пластин» [Кубарев, 2005, с. 67]. Все котлы подразделяются на два типа; подвесные на дужке, с круглым или плоским дном, и стоячие на поддоне с прорезями и двумя ручками на верхней части [Киселев, 1951, с. 522; Овчинникова, 1990, с. 62]. Наш котел, таким образом, относится к первому типу. Благодаря высокой технике обработки железа алтайскими мастерами изготовление железных клепанных котлов продолжалось и в последующее время. «Даже в Джунгарский период их истории, алтайцы платили хану ясак котлами и таганами» [Киселев, 1951, с. 522]. «Из ремесел наибольшую значимость у алтайцев имела повсеместно распространенная выплавка железа и изготовление железных изделий. «Все... имеют в горах руду железную, которую они сами в юртах... по малому числу плавят железо и делают котлы, топоры...» – говорится в описи к карте Сибирской губернии 1745 г., имея в виду се-

верных алтайцев и теленгитов Таутелеутской и Телесской волостей [Самоев, 1991, с. 41]. В Новое время железные котлы были распространены и среди теленгитов. Так, присутствовавший в 1881 г. при погребении на реке Улаган А.В. Адрианов [1886, с. 187] отмечал: «В могилу кладут котел, чашку, трубку, табак, одежду, войлок, седло, веревки, и проч., что мне самому приходилось видеть». Д.Г. Савиновым при раскопках пазырыкских курганов могильников Узунтал-I, IV, VIII было обнаружено шесть впускных теленгитских захоронений 2-й половины XVIII – начала XIX в. В одном из женских погребений среди других предметов был встречен и железный цельнокорпусный котел, очевидно фабричной работы [Савинов, 2013, с. 38–39, рис. 2.-1].

Полные аналогии верх-белоануйскому котлу мне не известны. Похоже, что в Горном Алтае это единственный на сегодня подобный образец железного сосуда. Наиболее приближенные по форме корпуса и типу варианты – это котлы из древнетюркского погребения Туекта-3 [Овчинникова, 1990, рис. 32.-5] и памятника Филин-I в Алтайском крае, относящегося к сrostкинской культуре [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 61]. По технике изготовления: формирование из отдельных железных пластин, соединенных между собой металлическими заклепками, – нашему котлу близки указанные выше экземпляры и, например, железные плоскодонные казаны из кургана XII–XIII вв. Бормотово-3 в Кузнецкой котловине [Илюшин, 2019, с. 72–76].

В Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина кроме изучаемого предмета имеется еще четыре железных котла. Два из них, происходящие из случайных находок с территории Кош-Агачского района, являются достаточно поздними, в том числе один них – заводской работы начала XX в. Два других котла найдены в обломках во впускном погребении кургана Пазырык-8, раскопанного в 1949 г. С.И. Руденко и А.А. Гавриловой, датированы по китайским монетам серединой XIX в. Оба котла, большой и маленький, со слегка закругленными днищами. Они изготовлены из отдельных изогнутых прокованных пластин, скрепленных между собой железными заклепками, и имеют дужки для подвешивания.

Подобная же техника сборки деталей из кованых пластин и скрепления их заклепками была характерна и для изготовления средневековых железных шлемов на протяжении достаточно длительного времени [Тишкин, 2009, рис. 98.-6, 7; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 20, 25, 115; Кубарев, 2005, с. 107; Соенов, Глебов, 1997, с. 152–154].

С учетом всех приведенных соображений предварительная датировка котла может быть предложена в широком диапазоне XIII–XIX вв., скорее всего, ближе к XVII–XVIII вв.

Таким образом, железный клепаный котел, обнаруженный в окрестностях села Верх-Белоануй Республики Алтай, является достаточно интересным артефактом для реконструкции технологии изготовления

металлических предметов из отдельных пластин, соединенных методом клепки. Железные котлы изготавливались алтайскими мастерами для уплаты дани и собственных нужд и высоко ценились населением. Нахождение сосуда в каменных россыпях может быть объяснено как его надежное укрытие или как существовавший в особенных случаях ритуал поднесения даров родовой горе. Интерпретация котла местными жителями как гигантского шлема мифического алтайского богатыря Сартакая не является чем-либо необычным. Характерная черта народного восприятия истории алтайцами – хронологическое перенесение событий прошлого, материальных и духовных реалий древности на более позднее время и их переосмысление на основе народного мировоззрения, эпических сказаний, легенд. Особенностью подобного мышления является привязка предметов прошлого к эпическим героям, необычная интерпретация реальных археологических памятников, объектов и отдельных вещей, особенно случайных находок. «Каждый народ своим мифотворчеством создает как бы вторую действительность, восполняющую однообразие и обыденность жизни» [Сагалаев, 1992, с. 22].

Библиографический список

- Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // Зап. Русского географического общества. СПб., 1886. 147 с.
- Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1983. 221 с.
- Илюшин А.М. Железные казаны из могил кочевников на Бормотово-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. XXV. С. 72–76.
- Киреев С.М. Народные представления населения Горного Алтая о памятниках археологии и древней истории // Материалы научно-практических конференций «Г.И. Чорос-Гуркин и современность», «Оноссские встречи 2010», посвященные 140-летию со дня рождения Г.И. Гуркина. Горно-Алтайск, 2010. С. 100–104.
- Киреев С.М., Кучуганова Р.П. Народные представления русских о памятниках археологии: по материалам полевых исследований в с. Верхний Уймон в Горном Алтае // Этнография Алтайского края: научно-методические материалы. Барнаул, 1994. С. 75–79.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
- Несказочная проза алтайцев // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30. Новосибирск, 2011. 576 с.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 223 с.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. IV. 1025 с.
- Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. СПб., 1866. Ч. 4. 419 с.
- Савинов Д.Г. Впускные погребения юго-восточного Алтая (к этнокультурной истории теленгитов) // Музей. Традиции. Этничность. СПб., 2013. №2(4). С. 36–51.
- Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. 176 с.

Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII–XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. 256 с.

Соенов В.И., Глебов А.М. Средневековый алтайский шлем // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. С. 152–154.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009. 208 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136 с.

Яданова К.В. Предания о камнях богатыря Сартакпая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2012. С. 177–286.

S.M. Kireev

Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altai, Russia

RIVETED IRON BOILER FROM THE BASION OF THE ANUJ RIVER UPSTREAM IN ALTAI

An iron cauldron was found by residents of the village Verkh-Beloanuy of the Altai Republic in stone deposits near the foot of the mountain. The boiler has a straight body tapering towards the bottom and a rounded bottom. The vessel is made of several forged metal plates of various sizes and configurations, joined together with metal rivets. The boiler belongs to the suspended type, although its handle has not survived. Iron riveted cauldrons of various shapes and sizes were used in Altai from the ancient Türkic to the ethnographic time. Although they are quite a rare find. The cauldron from Verkh-Beloanuy dates back to the 17th–18th centuries. According to the local population, the cauldron was a helmet and could belong to the mythical Altai hero Sartakpay. In the legends of the Altaians, Sartakpay was the builder of bridges, roads, gave them agriculture and literacy. He possessed immense growth and gigantic strength. Legends about Sartakpay survive in Altai to the present day.

Keywords: Gorny Altai, the late Middle Ages, Altai ethnography, iron boiler, modern mythology of the Altai

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.56

УДК 908:069(571.151)

С.М. Киреев

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина

ФОНД В.Д. КУБАРЕВА В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А.В. АНОХИНА

В 2021 г. исполняется 75 лет со дня рождения доктора исторических наук, сотрудника Института археологии и этнографии В.Д. Кубарева. В статье отмечен большой вклад ученого в изучение археологических культур Горного Алтая и Мон-